

Венка рос тщедушным и хилым парнишкой — небольшим-го росточка, с тонкими ножками, торчащими из-под чёрных, до колен, сатиновых трусов. Застенчивый и боязливый, среди своих сверстников он выглядел намного младше. Единственным его достоинством, пожалуй, было умение уже в шесть-семь лет ловко играть на гармошке «Подгорную» и «Вальс Каминского». Склонив стриженную «под ноль» головёнку, едва выглядывавшую из-за цветастых мехов гармошки, прикрыв глаза, он самозабвенно слушал волшебные звуки, что лились из-под его гибких пальцев.

В нашей семье, где четверо детей, Венка был самым старшим, но, несмотря на маловнушительный вид, авторитет его для нас был безоговорочным. В июле родители после Петрова дня на неделю уезжали на лодке вниз по реке на покос — заготавливали для коровы сено вдоль берега Пита, потом неделю ворошили, гребли и складывали душистую траву в зароды. Венка дважды за лето оставался за главного. По его распоряжению мы исполняли свои обязанности. Самая младшая, Галочка, караулила огород от залезавших через дыры в заборе кур. Я в девять лет уже варила суп, мыла посуду, убиралась в доме, научилась печь блины. Пашка с утра подрабатывал в пекарне, развозил по магазинам хлеб, возвращался домой то с парой буханок хлеба, то пекарь тётя Оля наливала ему в бутылочку постного масла и давала кулёк белой муки — знала добрая женщина, как непросто жить многодетной семье, в которой один кормилец. Дома у брата свои обязанности: он убирал в стайке и пригоне, давал корм курам, следил, чтобы они не поклевали яйца, вечером загонял в стойло корову, пришедшую из леса после дневной пастбы. А мы по очереди — Вена, Паша и я — доили комолую и вредную Милку.

Венка нас не просто строго контролировал, он помогал: Галке — выгонять кур из огорода, мне — растопить железную печку в поварке (это небольшой навес над печкой и столик с чурками для сидения); когда не было Пашки, чистил в стайке, давал сено корове. Порядок в хозяйстве поддерживался не хуже, чем при родителях, и они, видимо, были спокойны за нас...

— Пёстрый, Пёстрый!

Голос Венки ломался, когда по просьбе папы он подзывал нашу собаку. А папа, довольный, что старший сын становится мужиком, подзадоривал:

— Громче кричи, громче!

Наш отец был заядлым охотником, собаки (на соболя, на дичь, на медведя) во дворе были всегда, ведь жили мы в таёжном посёлке, он рано «заразил» Венку своей страстью. Каждую осень папа брал отпуск и уходил на две-три недели в тайгу, иногда на пару дней брал с собой старшенького. В лесу у него был свой участок, избушка, свой ключ — не замерзающий даже в лютую стужу ручеёк, вода в котором была сладкой до ломоты в зубах и, как считал папа, целебной. С фронта отец вернулся с язвой желудка, мучился от своего недуга страшно, страдал от тошноты и рвоты, ел плохо и мало. А вот тайга и ключ его лечили. Из леса он возвращался всегда с добычей (в самодельном рюкзаке — пара-тройка соболей, белки, рябчики и даже глухари), но каким-то помолодевшим и бодрым:

— Всё, мать! Помог таёжный госпиталь! До следующей осени здоровья набрался...

Да где там! Язва желудка зимой обострялась вопреки папиным жизнерадостным прогнозам. И он с надеждой ждал следующую осень...

Почти все отцовские страсти и увлечения Венка унаследовал в полной мере: любил тайгу, стрелял без промаха рябчиков и глухарей, выслеживал белку и соболя, с азартом занимался рыбалкой... Но главным в его совсем ещё молодой жизни всё-таки оказалась любовь к музыке, как у папы. Отец наш играл на всех инструментах, что были в доме: на скрипке, гармошке, баяне, аккордеоне, мандолине, цимбале, в его руках они пели и рыдали. Он сам делал скрипки, заготавливая для них специальные еловые чурки (у меня до сих пор хранится одна из последних его скрипок); помню, как он клеил меха для гармошки... А вот Венка душой прирос к баяну. Он единственный в семье, кто унаследовал отцовский абсолютный слух, его любовь к музыке.

Лет в четырнадцать-пятнадцать Венка уже стал штатным баянистом в клубе. Это было исключением из строгих тогда школьных правил — даже старшеклассникам строго закрыт вход на взрослые танцы, ведь они были, пожалуй, единственным развлечением молодых учительниц, приезжавших в посёлок из больших городов после окончания институтов. Не хотела молодёжь танцевать под заезженные на патефоне

Вениамин на рыбалке. На этот раз — улов скромный
Любительское фото брата Павла

пластинки. А в репертуаре Венки был с десяток современных вальсов и фокстротов, которые он на слух подбирал, просиживая вечерами у радио. Поэтому и авторитет молодого баяниста был на недосягаемо высоком для поселковых парней уровне: не только девчонки-старшеклассницы, но и молоденькие учительницы с нескрываемым интересом, а то и с надеждой поглядывали на невысокого паренька с густой копной тёмно-каштановых волос, с глазами небесной голубизны...

Может быть, из-за того, что Венка где-то внутри, неосознанно, чувство-

вал свою значимость, он никогда не комплексовал по поводу роста. Я очень уважала в брате это качество, потому что все школьные годы на физкультуре стояла последней в строю, с завистью смотрела на высоких девчонок и, даже поступив в институт, всё ещё казалась семиклассницей. Мой комплекс бесследно исчез после слов будущего супруга: «Ты не маленькая, ты миниатюрная. А вообще-то говорят: маленькая женщина — находка для мужчины...»

Про рост мужчин муж ничего не говорил, повода не было: рост его был хороший — сто семьдесят семь сантиметров... А Венку он уважал безмерно, не раз повторял: настоящий мужик!

Венка казался подростком и в восемнадцать лет. А вот фигурой, как я теперь понимаю, природа его не обидела: широкие

для его комплекции плечи, крепкие мускулы, узкие бёдра — торс настоящего мужчины! И это не дар богов, это заслуга самого Венки: он с детства бегал на лыжах (папка о нём говорил: как сохатый), хорошо плавал, переплывал Пит сажёнками в два счёта, легко справляясь с быстрым течением, управлял одним шестом лодкой-плоскодонкой на крутых шивёрах реки, что под силу разве что крепким и здоровенным мужикам. А ещё Венка фанатично любил футбол, игроком был заядлым, азартным, неутомимым. Играл в футбол он всю свою жизнь, бегал по полю и с пацанами, и со взрослыми, ловко уводя мяч из-под ног соперников и метко забивая голы. Из-за своего невысокого роста лет двадцать он считался «почётным» членом школьной футбольной команды (и взрослой поселковой, кстати, тоже), участвовал во всех соревнованиях. Ему было уже около сорока, когда на каком-то первенстве в районе награду ему — как лучшему нападающему подростковой команды — вручал солидный спортивный чин, бывший футболист северо-енисейской команды, тоже нападающий, с которым брат встречался в играх лет двадцать назад. Тот, когда близко увидел Вену, был удивлён:

— Добринский? А я думал, ты — сын того Венки, с которым я в юности соперничал!

...Любовь к Венке пришла поздно, после двадцати. В то время, когда молодые парни всю «шухарили» с девчонками, Венка то на рыбалке пропадал, то на охоте, то за баяном сидел со своим новым другом Витей Ивановым — старшекласником из Пит-Городка, который жил в пришкольном интернате. Днём Витька в школе, Венка — на работе, он был аккумулятором в местном гараже, а вечерами парни у нас дома на двух баянах разучивали новые песни, музыкальные композиции. Сама не раз наблюдала, как они по памяти воспроизводили «Полонез Огинского» (а потом на клубной сцене зрителям объявляли: «„Полонез Огинского“ в исполнении Добринского») или увертюру Григория Свиридова к кинофильму «Метель». Эта мелодия до сих пор вызывает у меня массу эмоций и воспоминаний... На всех школьных и клубных концертах поселковые зрители, не избалованные музыкальной культурой, долго не отпускали дуэт баянистов со сцены — успех был огромным!

...Тяжело переживал Венка утрату друга, которого унесла нелепая смерть. В зимние каникулы, в жестокий январский

мороз, небольшая группа десятиклассников из интерната пешком пошла за тридцать шесть километров домой в Пит-Городок. В пути их застигла метель; решив переждать, парни остановились отдохнуть...

На сцене Венка больше не выступал, играл только на танцах. А там — девчонок! Но никто не нравился нашему привередливому эстету. Мама и так к нему, и эдак:

— Ты видел, новая аптекарша приехала? Нелей зовут, хорошенькая, маленькая, как статуэточка, квартиру ей дали в двухэтажке... Бабы говорят: Венкина судьба приехала.

Всё бесполезно: ни Неля, ни историчка Валентина Ивановна, ни пышненькая бухгалтерша Катюша из конторы гаража не интересовали уж слишком разборчивого жениха...

И вот Венка влюбился. Уже придя из армии, откуда его через полгода службы комиссовали из-за язвы желудка (тоже папино наследство), он буквально потерял голову. И из-за кого? Из-за девятиклассницы Лильки Даниловой, что приехала в интернат из того же Пит-Городка. Девчонка как девчонка, ничем не приметная, училась на класс впереди меня, хотя была на три года старше. Мама наша в шоке: воспитывалась избраница Венки с младшим братом Гошей одним отцом, мать давно умерла, поговаривали, что она была из ссыльных финнов (в наших северных краях репрессированных разных национальностей было много — латышей, литовцев, немцев...), даже редкое имя матери мы знали — Сусанна.

Все вечера брат теперь проводил в интернате. Девчонки из Лилькиной комнаты говорили: сидят рядом на кровати, взявшись за руки, и молчат. Никакие мамин разговоры и скандалы не помогали.

— Мама, я люблю её! — голос Венки срывался на крик. — Я хочу на ней жениться, пусть она только окончит школу! — и совсем тихо, едва слышно: — Вы только послушайте, мама, у неё имя звучит, как цветок: Лилия!

Папа не вмешивался, но молча поддерживал маму: разве такую жену он желал своему талантливому старшему сыну — почти безродную, почти нищую, без образования?..

Только спустя много лет я по-взрослому оценила Венкину любовь (он и вправду был эстетом!). Лилия была одного с Венкой роста, сложена на зависть ладно: грудь, талия, бёдра, крепкие и стройные ноги с изящными лодыжками... А руки — просто птицы! Лицо — как у русских красавиц на иконах: всегда без

макияжа, оно выглядело бледным и одухотворённым. И только крепко сжатые губы выдавали природную суровость. Сама Лиля словно и не замечала своих достоинств, а вот по поводу «жидких волос» комплексовала, пытаясь исправить недочёт природы хотя бы шестимесячной завивкой, на которую только и были способны заезжие из района горе-парикмахеры...

В конце июня, после сдачи выпускных экзаменов, Венка отвёз свою любимую домой, на Пит-Городок. На выпускной вечер Лилька не осталась — не было платья. А уже в начале июля с раннего утра брат во дворе сутился возле лодочного мотора... Мама заметно нервничала, выговаривала с досадой:

— Жених! Лодку побольше возьми — в этой приданое не поместится... А жить где собираетесь?

Венка молча отнёс мотор на берег к лодке, вернулся и дрожащим голосом произнёс:

— К вечеру приедем.

Приехали молодые действительно к вечеру. Долго стояли на берегу, о чём-то переговариваясь, потом Венка взял из лодки фанерный чемодан с «приданным», принёс и поставил на крыльцо (от кромки реки до нашего дома — каких-то полсотни метров). Вернувшись к лодке, взял Лильку за руку и повёл в дом. Мама встретить не вышла, праздничного стола не накрыла, молча поставила на стол сковороду с жареной картошкой и тарелку с прошлогодними солёными грибами...

Брачное ложе мы готовили на чердаке втроём: я принесла из дома две простыни, подушку с Венкиной кровати, матрасом служил огромный старый тулуп из протёршейся местами овчины. Чердак летом (почему-то мы звали его вышкой) был нашим любимым местом — спать там было привилегией старших. После того, как выросли и вылетели «из гнезда» мои братья, там спала я: приезжала из института на каникулы и наслаждалась на вышке свежим воздухом, тишиной, а в дождливую ночь — мерным постукиванием капель о крышу, покрытую дранкой...

Спали молодые на чердаке месяца два, до холодов, пока гаражное начальство не выделило Венке небольшую однокомнатную квартирку в трёхквартирном доме буквально по соседству с нашим, через овраг, в котором мы в половодье ловили бреднем мальков. Небольшая комнатка, прихожая и здесь же кухня с печкой. Из мебели — кровать и стол. Руки у Венки, как и у папы, мастеровые: вместе с женой побелили известкой своё жилище, молодой хозяин быстро соорудил

шкаф-вешалку, изготовил пару табуреток, второй стол в «зал». К осени брат устроил молодую жену учеником киномеханика, она быстро освоила профессию и крутила кино каждый вечер по два сеанса — в семь и в девять. После работы Венка спешил домой, где его ждали горячий ужин, влюблённые глаза любимой женщины, а потом они вместе спешили в клуб.

— За одну зиму я столько фильмов посмотрел, сколько за всю жизнь не видел, и все — по два раза! — восхищался мой брат, восторженно глядя на Лильку. — Она у меня «технарь», так в аппаратуре шарит — не каждый мужик сообразит.

Первая зима семейной жизни брата прошла на моих глазах; может быть, она и научила меня тому, как надо жить двум любящим друг друга людям: не было у них разногласий, ссор, одни улыбочки, шуточки. Неразговорчивая с посторонними Лиля рядом с Венкой оживала, оттаивала. Думаю, она страдала, что пришлось не ко двору: воспитываясь без тепла и ласки, без мудрых материнских советов, она и в замужестве не нашла старшую подругу в лице нашей матери. Какое-то время, привыкнув, она была очень мила со мной... Но весной я окончила в школу, поступила в институт и уехала в город. Появлялась в посёлке в короткие каникулы зимой, приезжая летом, устраивалась на три месяца воспитательницей в детский сад, к брату забегала лишь иногда — чаще всего перед отъездом, на задушевные разговоры, к сожалению, времени не находила...

В первую же студенческую осень, приехав из колхоза, побежала на телеграф звонить родителям. Первое, что сказала мама:

— У Вены дочь родилась. Инной назвали...

— Мам, как я рада, — орала я в трубку. — Передайте Вене с Лилей мои поздравления!

— Передам, когда Вена к нам после работы забежит...

Молодая бабушка, моя мама (её было тогда сорок четыре года) так и не смирилась с тем, что Вена сделал в жизни свой выбор, не послушал её советов. Не тронуло сердце Вассы Железновой (так называла маму Валентина Александровна — мать моей подруги детства Люды) рождение первой внучки, как и рождение ещё двух — Галки и Танюшки, и появление первого внука Олега. Да, у Вены с Лилей родилось четверо детей за двадцать лет совместной жизни! И никого из внуков наша мама дома у себя не привчала, не погладила по головке... Хотя в старости, оставшись одна, без папы, обижалась:

— Вот Олежку приглашаю-приглашаю в гости и через тебя, и через Павлика, а он не заезжает...

Уже отслуживший в армии Олег на мою просьбу навестить бабушку уклончиво отвечал:

— О чём я буду с ней говорить? Я её совсем не знаю, она меня тоже...

Вена. Вениамин. Непросто было моему брату: любимая жена так и не стала любимой невесткой. Но каким характером, какой силой воли, каким благородством наделил Господь нашего старшего брата! Ни словом, ни отсутствием внимания он не отплатил родителям за Лилю: после работы, если позволяло время, забегал по привычке домой (вечно в движении, шустрый, подвижный, он не говорил: заходил, — он забегал). Помогал отцу разобрать или собрать лодочный мотор, поколоть дрова и сложить в поленницу. Да мало ли дел, где требуется помощь сына?..

С рождением второй дочери Венке дали квартиру побольше, он уже освоил профессию токаря-фрезеровщика и был незаменимым в гараже автотранспортной конторы специалистом. И даже когда братец стал крепко выпивать, на неоднократные выговоры родителей, что прогулы приведут к увольнению, он самонадеянно отвечал:

— Меня не уволят, заменить некем; мужики говорят, что таких спецов по фрезеровке в районе нет. Да я и сам это знаю...

Семья Вениамина: жена Лилия, слева направо дети — дочь Галка, сын Олег, самая старшая Инна, в центре младшая Танюшка

Любительское фото брата Павла

Уволили. И не посмотрели на высокую квалификацию. Перевели на низкооплачиваемую работу аккумуляторщика, на ту, с которой он начинал трудовую биографию... Это был крепкий удар по самолюбию!

Для пьянства и причин-то вроде не было. Просто, когда Вена получил квартиру в новом доме на горе, соседом оказался хороший мужик, шофёр из гаража Петя с женой Майей. Молодая семья с маленькой дочкой.

— Мы так сдружились,— рассказывала мне Лиля.— Петька приезжает из рейса, мы с Майкой ужин готовим, накрываем стол на общем большом крыльце и ждём наших мужиков...— и горестно вздыхает: — Кто знал, что эти частые застолья приведут к пьянству и Вену, и Петра? Ты же видела Петьку — здоровяк, на голову выше моего, а пили одинаково — сначала бутылочку на двоих, потом и этого мало стало. Петька ещё гоголем смотрит, а Вена уже и голову повесил — у него сразу настроение портится, к родителям идти собирается, разговаривать. Да где там — встаёт и валится...

Скоропостижно скончалась соседка, аптекарша Майя, забрали дочку её родители, тогда Петро и запил вчёрную, а Вена, как настоящий друг, делил с ним горе. Месяца через два погиб в автомобильной аварии и Петя Ефименко...

Вот тогда и Вена работу потерял. Одумался брат быстро: семья выросла, зарплата упала. Лиля, чтобы устроить детей в детский сад, пошла работать не в кинобудку, где её ждали, а помощником воспитателя. А зарплата — слёзы, да и только. В посёлке моего брата, несмотря на тягу к спиртному, всё равно уважали за прямоту, трудолюбие, весёлый нрав, несклочный характер. А музыкант какой! Не просто так, не за красивые глаза пригласили его в район и предложили высокую должность — начальника отделения военизированной охраны в посёлке. Места наши золотиносные, в районном центре горно-обогатительный комбинат, на многих горных речках золотодобывающие драги работают — значит, топливо, взрывчатка, химикаты доставляются круглый год в больших количествах, а для их складирования и хранения в нашем посёлке (он с момента основания был перевалочной базой для грузов, поступающих на север района) есть и нефтебаза, и склады.

Не сразу Вена привык к новому обращению: Вениамин Филиппович. Возможно, этот поворот в жизни брата придал ему ещё больше жизненных сил: он перестал пить, сумел

восстановить прежний авторитет в посёлке, где каждый на виду. В коллективе его ценили как человека (это ж надо: сам бросил пить, какая сила воли!) и как справедливого и понимающего нужды людей руководителя. А на стрельбищах он показывал такой высокий класс (охотник всё-таки), такой пример для подчинённых, что районное начальство было в полном восхищении. Охоту и рыбалку Вена не бросал даже тогда, когда пил. Теперь же он с прежним азартом в каждый свободный день стремился в тайгу или на реку, увлекая с собой пятилетнего Олежку. И всегда возвращался с добычей: в морозилке — ленки, таймени, хариус, несколько разделанных рябчиков и даже глухарей. Сама видела.

— Ты не боишься, Лиля, Олежку на рыбалку отпускать? Он же маленький ещё,— спрашиваю невестку.

— Нет,— отвечала она с напускной суровостью,— с отцом ему надёжно. Вена считает, что так и надо мужика воспитывать. Он сам добытчик и мальца таким же воспитает.

Отцом Венка был хорошим: не повышал голоса, никогда всерьёз не наказывал ни девчонок, ни Олежку. В отличие от нашего отца, который за проделки крепко бил ремнём сыновей, нас же, девчонок, «одаривал» таким строгим взглядом голубых глаз, что мороз по коже... Особо папа пресекал всякие разборки между нами, детьми, сделав тем самым прививку на всю жизнь. Вена воспитанием вроде и не занимался, это было уделом Лилии, но считал, что пример родителей формирует ребёнка, а потому старался соответствовать. Думаю, брат тяжело переживал свою вину перед семьёй — ведь столько лет они видели его каждый день нетрезвым. И очень старался, чтобы весь этот кошмар скорее забылся. Хотя — какое старание? Он всегда (даже когда пил) был добрым, заботливым, щедрым...

Если пришла пора заготовки дров, всей семьёй пилили брёвна. Конечно, пилил бензопилой Вена, а жена и четверо ребятшек, как мураши, обступив место работы, дружными возгласами встречали каждую отвалившуюся чурку. Если пора ягодная или грибная — всей оравой в лес, ходят недалеко от посёлка, грибочки срезают — у каждого грибника свой ножичек. Вена даёт Олежке из ружья пострелять — старшие девчонки визжат от страха и восторга, младшая, Танюшка, с материнских рук не сходит. А сколько радости и счастья в глазах ребятшек!

— У меня руки отваливаются — Таньке уже два годика, тяжёленькая, а у Вены ружьё в руках, его детворе не доверишь...

Немного грибов наберём — на супчик или жарёху — и домой. А Вена в тайгу подальше уходит. Возвращается уже к вечеру с грибами, особенно любил грузди находить, а вот ягоду собирать не хотел, шутил: «Говорят же — грибная охота. А я охотник! Не слышал никогда про ягодную охоту», — рассказывала мне невестка, когда я в очередной раз приезжала к ним в гости в родной посёлок.

К тому времени родители наши уже выехали с севера, устали от пьянства старшего сына. Мама оправдывалась: стыдно людям в глаза смотреть, каждый встречный спешил сообщить: «Ваш Вена опять в магазине бутылочку красненького брал...»

А меня так тянуло на Брянку... Однажды Вена по телефону предложил:

— Отправь своего Вовика к нам, пусть с Олежкой подружится, в Питу покупается, свою малую родину как следует узнает.

И я со знакомыми отправила десятилетнего сынишку в гости к брату. Теперь, спустя почти сорок лет, с благодарностью вспоминаю то лето — оно сыграло важную роль в жизни моего Вовика. Брянка действительно его малая родина. Я приезжала к родителям перед родами, так как боялась остаться в городе одна — муж был вертолётчиком, вечно в командировках, а май — самый «горячий» месяц для малой авиации: наводнения, пожары... Уже взрослым мой сын обратился к поэзии и не одно стихотворение посвятил своей малой родине (эти отрывки из стихотворения «Брянка. Стихи о малой родине» опубликованы в сборнике красноярских поэтов «Что Бог послал» в 2005 году:

По голубым камням в ущельях гор таёжных
Течёт река моя событий нетревожных...
Золотоносный край — России серединка.
Домишек каравай — до берега с тропинкой...)

Я просто уверена: такую Брянку, какую мы любили в детстве и сохранили эту любовь на всю жизнь, мог показать моему сыну только Вена, только он мог так щедро поделиться с племянником любовью к родным местам. Сколько восторженных рассказов о ночной рыбалке, о походах в тайгу («Мы с Олежкой видели следы медведя!») выслушали мы с супругом потом, когда я съездила за ним в свой посёлок.

Вена с Лилей и тогда, спустя пятнадцать лет, жили по-прежнему душа в душу, только вот губы невестки были

поджаты больше обычного — нелегко дались ей годы мужниного загула. В доме был полный порядок, хоть мама и считала Лилю неряхой, не приученной к порядку и чистоте: в серванте чистая посуда — хрустальные бокалы, тарелки из недорогого сервиза; в шкафах на деревянных вешалках (уж точно — Венкина работа!) аккуратно развешана скромная одежда, узнала несколько своих когда-то платьев из импортной материи, на полках — отутюженное постельное бельё, какое мне и постелили. На почётном месте — на стуле рядом с телевизором — под ажурной кружевной салфеткой любимый баян, в супружеской спальне на тумбочке старенькая гармошка... А во дворе порядок, как у папы: стройные поленницы дров, верстак для столярных работ, в стайке хрюкает пара свинок, в загоне разгуливают куры. То-то Лиля возмутилась:

— Ты зачем яйца привезла? У нас своих вон сколько,— и распахнула холодильник.

Всё было ладно в большой семье: Инка с Галкой, рождённые с разницей около полутора лет, подрастали, уже девицами себя считали в четырнадцать лет. Ко мне в город на лето с радостью приезжали, подругами в авиагородке обзавелись. Ну а Олежку с Брянки вытянуть было невозможно — весь в отца, хозяйственный, основательный: летом тайга, рыбалка — какой город?..

Беда в семью брата подбиралась постепенно: у Лили обнаружился гломерулонефрит, серьёзное заболевание почек. Лечила её местная врачиха, которую в посёлке недолюбливали: вон как Зинаида местное кладбище расширила...

Уже я старшую, Инну, подготовила к вступлению в мой институт, и она, успешно сдав вступительные экзамены, стала студенткой педагогического института и уже планировала:

— Окончу институт и буду, как вы, работать в газете...

Через год и Галке мы помогли поступить в Красноярское медицинское училище, благо у младшей моей сестры, тоже Галины (она фармацевт), были связи в медицинских кругах. Олежка учился в десятом классе, Танюха — в четвёртом...

В ноябре мы всей большой семьёй (мама, папа, Павел с женой и я с супругом) отмечали годовщину племяннику Степашке — маленькому сынишке Гали и Геннадия... И вдруг жуткая телеграмма от Вены: «Приезжайте, Лиля в безнадежном состоянии...»

Уже на следующее утро мой муж отправил нас с Инной самолётом в райцентр, на Брянку мы приехали к вечеру на попутной машине — и сразу в больницу... Вена был в палате у Лили, его трудно было узнать — он до того осунулся, что стал непохожим на себя: куда делся блеск в его огромных глазах, голос потух и заскрипел, щёки ввалились; хотя брат никогда не был полным, эта худоба была уже чересчур... Про Лилю, сильную духом Лильку не говорю — изменилась, но даже улыбнулась, переведя взгляд с Инки на меня: она всё-всё понимала про себя. До этого её три недели пролечили в районной больнице и, как безнадежную, отправили умирать домой...

Три дня по очереди — Вена с Олегом, а потом мы с Инкой — дежурили у кровати Лили... Я даже добилась у врачихи, чтобы её перевели в отдельную палату, мы ведь своим присутствием мешали остальным женщинам. На второй день вечером я пришла в больницу, отпустила брата поужинать, и тут Лиле стало плохо, она звала:

— Вена... Вена...

Я побежала в сестринскую к телефону. Вена прилетел минут через пять, по коридору обогнал меня, на минуту задержавшуюся у медсестёр: мне они сказали, что Лильку уже не спасти, что она умирает. Подбегаю к палате и слышу:

— Венка, я люблю тебя, Венка, я не хочу умирать!..

Это был предпоследний день жизни нашей Лильки... Она ушла почти у меня на руках, точнее, я держала её за руку, ушла, тихо выдохнув; я даже не успела позвонить Вене домой — минут десять назад отпустила его отдохнуть перед ночным дежурством, мы ведь ещё надеялись на чудо. Я слышала, как брат бежал по коридору, потом шаги затихли... В палате собрались все, кто был в больнице: дежурный врач, сёстры, больные... Вены нигде не было... Его обнаружили сидящим на корточках за большими раздвижными дверями: закрыв лицо руками, он беззвучно плакал...

На похороны на вертолёте с моим Володей прилетели сестра Галя с Геннадием, брат Павел с Марьей и папа... Мама не приехала: кем для неё была Лилька? — нелюбимой снохой, и только... На поминках Вена напился, хотя до этого спиртного в рот не брал лет десять. Мы уговаривали брата держаться, убеждали, что в ближайшее время подыщем ему жильё где-нибудь рядом с нами, поможем выучить детей, но Вена был непоколебим:

— Я не оставлю её здесь одну!

Через день родственники разъехались — у всех работа, дети, и Вена остался один на один с двумя детьми и своим огромным горем. Он запил. С утра готовил ребятишкам еду на весь день, а потом напивался. Приезжало районное начальство, понимающе сочувствовали, оформили отпуск, поддерживали материально.

Спустя пятнадцать дней после смерти Лили мне позвонила с Брянки соседка:

— Вениамина Филипповича увезли на автобусе в районную больницу — у него какой-то приступ.

Весь вечер и всю ночь мы с мужем звонили в Северо-Енисейск, в больнице отвечали: он на операции. В четыре утра сообщили: операция закончилась, больной в реанимации. А утром пришла весть: Вена умер в пять часов, не приходя в сознание,— некроз поджелудочной железы... Ему было всего сорок два года, и он был на три года старше жены.

Что это? Судьба? Двадцать лет рядом, в большой любви, и такой печальный финал. В семье мы решили: Вена не смог жить без неё, без Лилии — девушки, имя которой звучало как название цветка...